

ДИРЕКТОРИЯ И КОЛЧАК

В. В. Гармиза

Среди региональных исследований по истории гражданской войны, появившихся в последнее десятилетие, работы по Сибири выделяются как количеством, так и широтой тематики. Серьезным достижением является в этом отношении 4-й том «Истории Сибири»¹. Опубликованы обобщающего характера монографии по истории гражданской войны и интервенции в Сибири². Главное место в историографии гражданской войны в крае занимает борьба большевистского подполья, партизанских отрядов, рабочих и крестьян против Временного Сибирского правительства и Колчака³. Немало сделано и в изучении лагеря контрреволюции в Сибири, в особенности мелкобуржуазной контрреволюции — эсеров, меньшевиков и эсеров-меньшевистских правительств. Это направление получило отражение как в обобщающих работах по данной тематике⁴, так и в региональных исследованиях⁵. Вместе с тем есть еще вопросы,

¹ «История Сибири с древнейших времен до наших дней. В пяти томах». Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. Л. 1968.

² П. И. Рощевский. Гражданская война в Зауралье. Свердловск. 1966; В. Т. Шуклецов. Гражданская война на территории Новосибирской области. Новосибирск. 1971; «Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке». Кн. 1. 1918—1920. Владивосток. 1972; В. С. Познанский. Очерки истории вооруженной борьбы Советов Сибири с контрреволюцией в 1917—1918 гг. Новосибирск. 1973.

³ В. А. Кадейкин. Большевистское подполье и рабочее движение в тылу сибирской контрреволюции. Кемерово. 1966; его же. Сибирь непокоренная. Большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу контрреволюции в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны. Кемерово. 1968; Л. М. Спирин. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920). М. 1968; Д. К. Шелестов. О начале поворота сибирского трудового крестьянства в сторону Советской власти. «История СССР», 1968, № 1; Л. М. Горюшкин. Проблемы истории крестьянства Сибири в период Октября и гражданской войны. «Известия» Сибирского отделения АН СССР, 1970, № 6. Серия общественных наук. Вып. 2; Ю. В. Жуков. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск. 1972, и др.

⁴ Л. М. Спирин. Указ. соч.; К. В. Гусев, Х. А. Ерицын. От соглашательства к контрреволюции (Очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров). М. 1968; О. Ф. Соловьев. Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1914 — июль 1918). М. 1968; В. В. Гармиза. Крушение эсеровских правительств. М. 1970; К. В. Гусев. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975.

⁵ М. Е. Плотникова. Роль Временного сибирского правительства в подготовке контрреволюционного колчаковского переворота в Сибири. «Труды» Томского университета. Т. 167. 1964; ее же. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г. «Вопросы истории Сибири». Вып. 4. «Труды» Томского университета. Т. 214. 1969; В. А. Кадейкин. Антирабочая политика Временного Сибирского правительства. Там же; В. Н. Назимок. К истории так называемого «Временного правительства автономной Сибири». «Труды» Томского университета. Т. 205. 1970; С. Г. Лившиц. Крах «Временного правительства автономной Сибири». «Вопросы истории», 1974, № 8; Л. Н. Резниченко. Борьба большевиков против «демократической» контрреволюции в Сибири (1918 г.). Новосибирск. 1972; В. А. Демидов. Политика сибирских эсеров в национальном вопросе и ее крушение. «Научные труды» Новосибирского университета. Историческая серия. 1972. Вып. 5, и др.

изученные недостаточно полно и глубоко. К ним относится кратковременный этап агонии и краха эсеров-меньшевистской контрреволюции в конце 1918 г., связанный с существованием и ликвидацией директории.

Осенью 1918 г. эсеров-меньшевистская, «демократическая» контрреволюция перестала удовлетворять буржуазно-помещичьи верхи, требовавшие «сильной власти». Существование Уфимской директории представляет собой заключительный этап «демократической» контрреволюции, на смену которой на территории Урала и Сибири пришла военно-монархическая диктатура Колчака. В советской исторической литературе вопросы, относящиеся к существованию директории, ее политике и замене властью адмирала Колчака, не были предметом специального изучения. В 20-е годы были опубликованы воспоминания И. М. Майского⁶, содержащие сведения об Уфимском совещании и директории, а также интересный очерк агонии и гибели «учредилки». Директория упоминается во многих обобщающих трудах по истории СССР и гражданской войны⁷. Краткие справочного характера данные о ней имеются и в работах последних лет о мелкобуржуазной контрреволюции в России.

Вопрос этот заслуживает внимания прежде всего как доказательство несостоятельности идеи «третьего пути» в революции. Гражданскую войну эсеры пытались представить как столкновение не двух антагонистических классовых сил — буржуазии и помещиков, с одной стороны, пролетариата и беднейшего крестьянства — с другой, а трех: буржуазии и помещиков, пролетариата, руководимого большевиками, и «демократии», к которой они относили трудовых крестьян, ремесленников, мелких торговцев и интеллигенцию. Руководителем этой «третьей силы» эсеры считали свою партию. Концепцией «третьего пути» прикрывали свои политические действия эсеровский Комитет членов Учредительного собрания (Комуц), Западно-Сибирский комиссариат, Сибирская областная дума, эсеровское Временное правительство автономной Сибири, Временное правительство Северной области, а после Уфимского совещания (сентябрь 1918 г.) и директория.

В. И. Ленин показал несостоятельность попыток мелкой буржуазии осуществлять самостоятельную политику, неизбежность банкротства этих попыток. Выступая в декабре 1918 г. на рабочей конференции Пресненского района Москвы, он отметил, что мелкобуржуазные партии, считая себя социалистами, на деле таковыми не были. «Партии мелкой буржуазии никогда не знают, куда им идти — за капиталистов или за рабочих». В самый тяжелый период революции они отшатнулись от большевиков и «перешли к учредилкам. Появились учредилки в Самаре, в Сибири. Теперь их оттуда выгоняют и показывают им, что либо власть помещиков, либо власть большевиков. Серединки быть не может»⁸. Выступать революционно мелкая буржуазия может лишь до тех пор, пока она идет за пролетариатом, как это было в 1905—1907 годах. Когда же она пытается действовать самостоятельно, ее политика может быть только буржуазной и никакой другой. В полной мере это подтвердила история Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны. Опыт этих событий показал, что разрекламированного эсерами «третьего пути» в действительности не существовало, как не существовало и так называемой «третьей силы». Борьба шла между двумя силами: пролетариатом, союзником которого было трудя-

⁶ И. М. Майский. Демократическая контрреволюция. М. 1923.

⁷ «История гражданской войны в СССР». Т. III. М. 1957, стр. 198, 244; «История СССР с древнейших времен до наших дней в 12-ти томах». Т. VII, ч. 2. Советская страна в годы интервенции и гражданской войны. М. 1967, стр. 452—453; «Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в СССР. 1917—1920 гг.». М. 1967, стр. 452; «История Сибири». Т. 4, стр. 96; Л. Н. Резниченко. Указ. соч., стр. 81—84, и др.

⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 37, стр. 379, 380.

щееся крестьянство, и буржуазией и помещиками, которых поддерживали интервенты.

Используя в борьбе против Советской власти, по их же терминологии, «все средства», эсеры на следующий же день после победы вооруженного восстания в Петрограде приняли активное участие в тайных контрреволюционных организациях и блоках («Союз возрождения России», «Союз защиты родины и свободы»), имевших целью свержение Советской власти. Они вступили в сговор с иностранными империалистами, подготавливая интервенцию против молодого Советского государства; организовывали террористические акты против его виднейших деятелей (два покушения на жизнь В. И. Ленина, убийство В. Володарского), кулацкие мятежи и белогвардейские восстания во многих селах и городах Советской России. В тех случаях, когда эсеры в союзе с меньшевиками временно оказывались у власти, открыто проявлялась их контрреволюционная сущность: они проводили политику репрессий против советских работников, осуществляли капиталистическую реставрацию в социальной и экономической областях и постепенно уступали бразды правления наиболее реакционным кругам буржуазии. Возникновение и последовавший затем неизбежный крах директории убедительно подтверждают это.

Кратковременное существование директории представляет известный интерес и в плане определения конечного рубежа «демократической» контрреволюции в гражданской войне. По данному вопросу у историков пока еще не сложилось единого мнения. Одни полагают, что период «демократической» контрреволюции в Сибири был короче, чем в Среднем Поволжье, и закончился в конце июня 1918 г. с приходом к власти Временного Сибирского правительства, осуществлявшего неприкрытую буржуазную диктатуру⁹. Другие, и их большинство, считают, что нет оснований выделять Сибирь из общей периодизации истории гражданской войны, поскольку деятельность буржуазного Временного Сибирского правительства, вышедшего из недр эсеров-меньшевистской Сибирской областной думы и включавшего в свой состав эсеров, хотя и правого толка, относится к этапу борьбы с «демократической» контрреволюцией, закончившемуся не летом, а во второй половине ноября 1918 г., с приходом к власти Колчака и ликвидацией «учредилки»¹⁰. Изучение деятельности и падения директории позволяет более аргументированно ответить на вопрос о хронологических рамках периода «демократической» контрреволюции. Автор данной статьи ставит перед собой задачу проанализировать происхождение и политику директории, определить ее классовую сущность, место в истории гражданской войны, а также обстоятельства, сопутствовавшие установлению диктатуры Колчака.

Осень 1918 г. ознаменовалась крупными политическими и военными успехами молодой Советской республики. На значительной территории России ослабляются колебания среднего крестьянства и наблюдается явный поворот его в сторону союза с революционным пролетариатом; мелкобуржуазные партии — эсеры и меньшевики — теряют свое влияние на массы и оказываются в полной политической изоляции. Усиливается разложение Чехословацкого корпуса: большинство его солдат и офицеров отказывается воевать против Советской власти. Красная Армия, выросшая в крупную боевую силу, одерживает блестящие побе-

⁹ М. Е. Плотникова. К истории эсеровской контрреволюции в Сибири в 1918 г., стр. 186, 187; О. Ф. Соловьев. Указ. соч., стр. 232.

¹⁰ С. Ф. Найда. О начале и основных этапах интервенции и гражданской войны в СССР. «Вестник МГУ». Серия истории. 1964, № 4; В. А. Кадейкин. Сибирь непокоренная, стр. 21—22, 492; Л. М. Спирин. Указ. соч., стр. 271, 281; К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. Указ. соч., стр. 329.

ды на Волге, освобождает Казань, Симбирск, Самару, возвращая Советской республике главную водную магистраль страны.

Положение «демократической» контрреволюции становилось все более безнадежным. Массы очень скоро убедились в антинародной политике Временного Сибирского правительства, опиравшегося на буржуазию и осуществлявшего буржуазную диктатуру. Во всех крупных городах Сибири (Томске, Омске, Новониколаевске и других) прошли легальные и полулегальные конференции и съезды уцелевших от разгрома профсоюзов, которыми нередко руководили большевики. Рабочие Сибири протестовали против арестов и требовали немедленного освобождения политических заключенных, отстаивали рабочий контроль, свободу собраний и печати, выступали в защиту трудового законодательства, охраны труда и социального страхования. Важным политическим делом профсоюзов Сибири летом и осенью 1918 г. была борьба за сохранение Советов рабочих депутатов. Забастовки в городах, горняцких поселках и на железных дорогах Сибири начались уже в июне—июле 1918 г., почти сразу после прихода к власти Временного Сибирского правительства¹¹. Стачечное движение нарастало с каждым днем, несмотря на усиление репрессий. Сибирский областной комитет большевиков сообщал в ЦК РКП(б), что «все рабочие жадно ждут восстания»¹².

Осенью 1918 г. Временное Сибирское правительство и директория натолкнулись на активное сопротивление крестьян. Восстановление частной собственности на землю и возвращение крупным собственникам их бывших владений вызвали резкое недовольство крестьян. Мобилизация в белую армию еще более усилила это недовольство. Документы фонда информационно-агитационного отдела МВД Временного Сибирского правительства отражают политические настроения крестьян по всем губерниям и уездам. Крестьяне большинства селений (исключение составляли жители богатых сел), как свидетельствуют протоколы сходов и отчеты информаторов, отказывались поддерживать правительство и активно сопротивлялись набору в армию. В докладе о политическом настроении крестьян Красноярского уезда инструктор отдела писал 7 октября: «Распределение политической атмосферы я представляю себе так: 80% явно враждебного настроения... действительно заинтересованных в поддержке Временного правительства — 10%»¹³.

К сентябрю—октябрю 1918 г. относится начало партизанского движения и крестьянских восстаний в Славгородском, Змеиногорском и Павлодарском уездах Алтайской губернии. Крестьяне избрали военно-революционный штаб, ликвидировали местные органы власти, создали сельское самоуправление. Громадные по числу участников волнения в Змеиногорском и Славгородском уездах были ликвидированы военной силой, что усилило озлобление крестьян против Временного Сибирского правительства¹⁴.

В момент контрреволюционного переворота в Сибири летом 1918 г. наиболее известные большевики вынуждены были покинуть сибирские города, остальные ушли в подполье. ЦК РКП(б) наладил связь с подпольщиками, руководил их действиями, направлял к ним опытных партийных работников, снабжал подпольщиков литературой, деньгами. В конце августа — начале сентября 1918 г. почти во всех губернских и уездных городах Сибири, в промышленных поселках и крупных селах были созданы нелегальные большевистские организации. В соответствии с решением первой Западно-Сибирской подпольной конференции, состоявшейся 1 сентября 1918 г., они начали подготовку к проведению воору-

¹¹ В. А. Кадейкин. Сибирь непокоренная, стр. 192—194.

¹² В. В. Гармиза. Указ. соч., стр. 225.

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 1561, оп. 1, д. 156, л. 31.

¹⁴ Там же, д. 93, л. 160б.

женного восстания рабочих, солдат и крестьян с целью свержения директории и Временного Сибирского правительства и восстановления власти Советов. Был организован подпольный Сибирский областной комитет, руководивший движением за восстановление Советской власти в крае. Использовались все формы печатной и устной агитации: листовки, прокламации, воззвания. Революционная агитация проводилась на предприятиях и в селах, в профсоюзах, кооперативах, народных домах. Коммунисты-подпольщики вели также агитацию среди новобранцев, значительно затрудняя создание белой армии. На следствии по делу одного из арестованных большевиков агент военного контроля показывал: «21 сентября... на казачьем базаре... было много новобранцев. Среди новобранцев в разных местах базара образовались митинги, где ораторствовали темные личности, призывавшие новобранцев к восстанию против Временного правительства...»¹⁵. В донесении томского уездного комиссара губернскому комиссару о враждебном отношении населения уезда к директории и Временному Сибирскому правительству указывалось, что в некоторых волостях на собраниях и еходах «ведется агитация, направленная против существующего государственного строя»¹⁶. В конторе общества потребителей г. Мариинска агенты охраны обнаружили подготовленную для печати прокламацию с призывом не подчиняться Временному Сибирскому правительству, не платить подати, не посылать новобранцев. В городе было найдено еще несколько прокламаций противоправительственного содержания¹⁷.

Успехи Красной Армии на фронте и нарастание революционных ударов народных масс в тылу контрреволюции усилили разброд в ее стане, разногласия между новоявленными «правительствами» — эсеровскими, кадетскими, казачьими, буржуазно-националистическими. Дальнейшее развитие центробежных сил в контрреволюционном лагере вызвало серьезную тревогу всех его участников — от эсеров и меньшевиков до кадетов и монархистов. Уже в конце июля 1918 г. в белогвардейском лагере повсеместно стали раздаваться требования образовать единую власть. «Вопрос о единой власти приобретает небывалую остроту»¹⁸, — отмечалось в одной из самарских газет.

В июле и августе 1918 г. в Челябинске состоялись два совещания представителей Комуча, Сибирского и Уральского «правительств» с целью согласования общей политики и выработки основ, на которых могла бы быть построена «общероссийская» власть. Соглашение не было достигнуто. На втором совещании (23—25 августа) удалось договориться лишь о составе, месте и сроке созыва нового совещания. Решено было провести его в Уфе с единственной целью — создание общего правительства. Уфимское «государственное» совещание проходило с 8 по 23 сентября 1918 года. Состав его (170 человек) был весьма пестрым в социальном, партийном и национальном отношениях: представители эсеровского Комуча и других контрреволюционных правительств, казачьих войск (уральского, оренбургского, сибирского, иркутского и др.), центральных комитетов буржуазных и мелкобуржуазных партий, а также «Союза возрождения России», «Союза земств и городов» и «Сибирской областной думы».

Сформированный на Уфимском совещании орган власти представлял собою директорию из пяти лиц, избранных не по партийному принципу, а персонально. Было признано, что действовать она будет как «ни перед кем не ответственная власть» до 1 января 1919 г. (на этот день

¹⁵ «В борьбе с контрреволюцией». Сборник документальных материалов. Омск. 1959, стр. 57.

¹⁶ «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Сборник документальных материалов. Томск. 1957, стр. 351.

¹⁷ Там же, стр. 354.

¹⁸ «Вечерняя заря», 31. VII. 1918.

было назначено повторное открытие Учредительного собрания прежнего состава). Если 1 января кворум (не менее 250 человек) не соберется, собрание будет отложено до 1 февраля, но откроется уже в меньшем составе. Предполагалось, что, отчитавшись в своей деятельности, директория сдаст этому собранию власть. Однако в условиях расширяющейся гражданской войны и напряженной фронтовой обстановки собрать к указанному сроку установленный кворум было практически невозможно. Избранное правительство, таким образом, стало полновластным и бесконтрольным на неопределенное время¹⁹.

В последовавших затем спорах о персональном составе правительства придерживавшиеся мелкобуржуазной, «учредивольской», ориентации группы, несмотря на свое численное преобладание, уступили буржуазии и согласились на образование директории, в которую вошли правый эсер Н. Д. Авксентьев, кадет Н. И. Астров, генерал В. Г. Болдырев — представитель «Союза возрождения», глава Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский и «народный социалист» Н. В. Чайковский. Поскольку три члена директории избирались заочно, совещание приняло решение о назначении пяти заместителей, которые должны были исполнять обязанности членов директории в их отсутствие. На первых порах правительство составили: Н. Д. Авксентьев (эсер), В. Г. Болдырев, В. М. Зензинов (эсер), кадеты В. А. Виноградов и В. В. Сапожников (его вскоре сменил П. В. Вологодский).

Состав директории не удовлетворял никого и в самом лагере контрреволюции. Офицерские круги и стоявшие за ними монархические группы, стремившиеся к установлению военной диктатуры, относились к директории так же, как к Комучу — как к чуждой и неприемлемой для них якобы демократической власти. Буржуазия Сибири встретила известие об уфимском соглашении с нескрываемой неприязнью, вызванной толками о предстоящем созыве Учредительного собрания и передаче ему власти директорией. Буржуазия стремилась к твердой власти — диктатуре — и проявляла резко враждебное отношение к «социалистам». Наличие в директории двух эсеров, хотя и весьма правого направления, ее не устраивало. Казачьи группы возмущались нежеланием новой власти признавать самостоятельную организацию казачества, автономию управления казачьей территорией. Наконец, образовалась оппозиция из значительной части организаторов директории — «социалистов». Лидер самарских эсеров П. Д. Климушкин в неопубликованных мемуарах, написанных в Праге несколько лет спустя после рассматриваемых событий, отмечал: «...Помню, с кем бы я ни заговаривал, [все] были недовольны результатом работ совещания. Одни — принципиальными компромиссами, сделанными эсерами правым группам; другие — персональным составом директории; третьи — платформой работ будущего правительства и т. д. и т. д. Но каждый чем-нибудь да был недоволен. Я не помню ни одного человека, оставшегося довольным результатами совещания»²⁰. В официальном обращении Комуча «К народу российской власти эсеровское «правительство» признавало, что в интересах сохранения Волжского фронта оно было вынуждено отступить на совещании «от своей основной позиции» по вопросу об Учредительном собрании, а также «сделать некоторые существенные уступки в основных своих позициях в области социальной программы»²¹.

¹⁹ Подробнее об Уфимском совещании и избрании директории см. В. В. Гармиза. Банкротство политики «третьего пути» в революции (Уфимское государственное совещание 1918 г.). «История СССР», 1965, № 6.

²⁰ П. Д. Климушкин. Чехословацкое выступление, ч. 1. «Волжское движение» и образование директории. Прага. 1925, стр. 229 (коллекция ЦГАОР СССР).

²¹ Партийный архив Башкирского обкома КПСС (ПАБО), ф. 1832, оп. 2, д. 178, л. 2.

Согласно «Акту об образовании Всероссийской верховной власти» новое правительство было обязано оказывать содействие Съезду членов Учредительного собрания в его деятельности по приглашению и устройству членов Учредительного собрания, подготовке к его открытию и работе. Однако директория игнорировала мешавший ей съезд, что, в свою очередь, вызывало протесты его делегатов. Уфимское совещание ни в партийной среде, ни у членов Учредительного собрания не получило всеобщего признания. Эсеры «протестовали» не только против значительной урезки программы нового правительства, но и против персонального состава директории, отнюдь не гарантировавшего ни созыва Учредительного собрания к 1 января 1919 г., ни выполнения правительственной программы.

Что касается меньшевиков, то после образования директории их уфимский комитет принял резолюцию, в которой указывалось на необходимость создания единой власти, но в то же время отмечалось укрепление внутри контрреволюционного лагеря враждебных «демократии» сил, вследствие чего власть директории фактически была узурпирована Временным Сибирским правительством, «действующим вразрез с интересами демократии». Под этим предлогом меньшевики отказывались занимать ответственные посты в центральных органах правительства и призывали к «сплочению демократических сил вокруг Учредительного собрания»²². Лицемерие меньшевиков проявилось здесь в полной мере. Они разделяли общую программу Уфимского совещания, на основе которой была создана директория, сотрудничали с новой властью, вместо борьбы с нею высказывали неопределенные призывы к сплочению вокруг несуществующего Учредительного собрания и подталкивали директорию на путь выполнения платформы Уфимского совещания.

Начало своего правления директория ознаменовала декларацией от 23 сентября 1918 г. под претенциозным названием «Грамота Всероссийского Временного правительства ко всем народам России». В ней перечислялся состав правительства и излагалась его политическая программа: восстановление государственного единства путем отвоения у Советской власти ее территории; создание сильной армии, поставленной вне политики и влияния партий; расторжение Брестского мира и возобновление (вместе с союзниками) войны с Германией; широкая автономия для отдельных областей и «культурно-национальное самоопределение» для национальных меньшинств; действенная охрана общественной безопасности (иначе говоря — террор против большевиков и революционно настроенных трудящихся); привлечение иностранного капитала и поощрение частной инициативы; подъем производительности труда; отмена хлебной монополии и твердых цен; сохранение частного землевладения; развитие рабочего законодательства²³. Разумеется, в официально объявленной декларации нельзя было со всей откровенностью (без тех «демократических привесков», которые внес Комуч) изложить программу реставрации капитализма, и тем не менее из текста видно, что это была программа развития буржуазного государства по типу, созданному в ходе Февральской буржуазно-демократической революции.

Сразу же после образования директории перед нею возникли вопросы, требовавшие немедленного решения: создание правительственного аппарата — министерского кабинета; определение постоянного ее местопребывания; обеспечение политической и военной поддержки со стороны союзников, без которой она не могла существовать, так как собственных вооруженных сил не имела. Столь же неотложным для директории было и решение вопроса о судьбе областных правительств,

²² Государственный архив Башкирской АССР (ГА БАССР), ф. 987, оп. 1, д. 8, л. 25.

²³ «Уфимские губернские известия», 2. X. 1918.

поскольку единение между ними и после образования новой власти достигнуто не было. Прежде всего это касалось Комуча и Временного Сибирского правительства, претендовавших на гегемонию в антисоветском лагере. Первые недели своего существования директория была целиком занята решением указанных вопросов.

При определении местопребывания директории назывались три города: Уфа, Екатеринбург и Омск. В создавшейся обстановке и для директории, и для Сибирского правительства это была важнейшая проблема. С некоторым основанием, хотя и не без преувеличения, говорили, что от того, какой из городов выберет директория для своей работы, будет зависеть и ее дальнейшая политика. Учредиловцы предлагали Уфу, представители сибирского правительства — Омск. Директория колебалась. Авксентьев (председатель директории) и Зензинов созвали совещание фракции эсеров Съезда членов Учредительного собрания. Все высказались за Уфу как город, сравнительно отдаленный от сибирских монархистов, центр «демократических» сил контрреволюции, но в конце заседания Авксентьев заявил: «А все-таки мы поедем в Омск»²⁴. Избрание этого города определялось, видимо, стремлением Авксентьева приблизить к союзникам директорию и этим отодвинуть от них Сибирское правительство, поскольку английские интервенты сочувствовали сибирской власти, игнорировали доживавший свои последние дни Комуч и не спешили признавать директорию. Обосновавшись в Омске, она рассчитывала подчинить себе сибирский аппарат и войти в контакт с союзниками, а также обезвредить Сибирское правительство методом «обволакивания» (выражение Авксентьева), превратив его в свой деловой аппарат. Предполагалось отобрать из состава Сибирского правительства наиболее приемлемых для директории и ее сторонников министров, отстранив остальных; ликвидировать областные правительства и сосредоточить всю полноту власти в руках директории. Вскоре, однако, стало ясно, сколь призрачными были эти расчеты.

Директория переоценила свои возможности. В Омске она была встречена враждебно. Местные власти помешали ей проникнуть в город (под предлогом отсутствия помещения), и в течение двух-трех недель директория пребывала на станции, в железнодорожных вагонах, заслужив прозвище «воробьиного правительства». Никто с нею не считался. Учредиловцы были возмущены переездом директории в Омск. Многие из них предлагали разорвать соглашение и объявить о ее ликвидации.

Переезд в Омск, где в то время обосновались представители оголтелой буржуазной реакции, не сулил директории долгой жизни. Сибирская областная дума, в большинстве своем состоявшая из эсеров и сибирских областников, была распущена порожденным ею же Временным Сибирским правительством; председатель думы эсер И. Е. Якушев освобожден от должности. Из состава Сибирского правительства 21 сентября 1918 г. были удалены министры-эсеры В. М. Крутовский и М. Б. Шатилов (под страхом смерти их принудили подписать отставку). Отважившийся возражать член Учредительного собрания эсер А. Е. Новоселов по дороге в тюрьму был расстрелян офицерами из штаба начальника гарнизона полковника Волкова. В организации его убийства не без основания обвиняли министра финансов Сибирского правительства эсера И. А. Михайлова («Ваньку-Каина») — одного из активнейших поборников буржуазно-монархической реакции в Сибири.

У директории еще оставались некоторые шансы продержаться не продолжительное время, если бы (пользуясь правом верховной власти и опираясь на сочувствующих ей чехословаков) она разогнала сибирских монархистов, но сделать это директория не могла в силу своей по-

²⁴ П. Д. Климушкин. Указ. соч., ч. I, стр. 233.

литической ориентации и соглашательства. Это сказалось и при образовании министерской коллегии директории. К услугам вновь созданной власти был аппарат Комуча, состоявший из эсеров, но директория предпочла откровенно буржуазный, предложив сотрудничество членам Сибирского правительства, которые один за другим проходили на министерские посты при распределении портфелей в новом кабинете. Отдельные попытки двух эсеров протестовать против некоторых кандидатур решительно пресекались. В совет министров прошли все члены Сибирского правительства, в том числе и монархисты, сторонники военной диктатуры: Михайлов (которого Авксентьев обещал расстрелять за убийство Новоселова), Колчак (военный министр) и другие. С 4 ноября 1918 г. Сибирское правительство стало именовать себя всероссийским.

Ориентация директории при формировании исполнительной власти на Сибирское правительство раскрывает ее классовую сущность, характеризует как буржуазное правительство, не желавшее иметь дело с мелкобуржуазной учредилкой. Директория откровенно сдавала позиции буржуазной «демократии» сибирской военно-монархической буржуазии. Это было началом конца самой директории. В. И. Ленин неоднократно указывал, что эсеро-меньшевистские правительства везде были лишь ступенькой, по которой поднималась к власти оголтелая контрреволюция²⁵.

Одновременно с формированием министерского аппарата директория опубликовала указ и грамоту Всероссийского временного правительства от 4 ноября 1918 г. о ликвидации всех областных правительств. Последние лишались прежней власти, лишь частично сохраняя свой аппарат управления в качестве исполнительных учреждений, подчиненных центральному (сибирскому) правительству. Таким образом, из буржуазно-демократических властей осталась одна директория. Комуч прекратил существование, передав управление на подвластной ему территории своему исполнительному аппарату — Совету управляющих ведомствами. Одновременно с указом о ликвидации областных правительств директория опубликовала указ о роспуске «народной армии» Комуча. Председателем ликвидационной комиссии был назначен бывший главнокомандующий и начальник штаба этой армии Н. А. Галкин, изменивший свою политическую ориентацию в направлении сибирской военно-монархической контрреволюции. Только два батальона войск Учредительного собрания и небольшой конный отряд учредилки смогли сохранить в своем подчинении.

5 ноября 1918 г. состоялось торжественное заседание Временного всероссийского правительства. На нем присутствовали члены директории, члены бывшего Сибирского правительства, вновь образованный совет министров. Председатель директории Авксентьев огласил грамоту Временного всероссийского правительства ко всем областным правительствам и другие официальные документы, объявил заседание совета министров открытым и уступил председательское кресло новому хозяину — председателю совета министров П. В. Вологодскому (бывшему главе Сибирского правительства), после чего покинул заседание²⁶, что как бы символизировало фактическое отстранение от дел самой директории.

Сибирские монархисты в этих условиях стали действовать еще более активно. В Омске возникла тайная офицерская организация, открыто велась монархическая агитация. Фактическая власть в городе принадлежала белогвардейским отрядам атаманов Б. В. Анненкова и Красильникова — монархистов и головорезов.

Тем временем в Екатеринбурге заседал Съезд членов Учредительного собрания, не пожелавший отправиться вслед за директорией в

²⁵ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 25; т. 39, стр. 128, 299.

²⁶ «Голос рабочего» (Уфа), 14. XI. 1918

Омск. Существование этого съезда — малозначительный эпизод истории (хотя один из его руководителей, эсер Н. В. Святицкий, и написал о нем довольно большую книгу²⁷) и представляет некоторый интерес лишь как свидетельство бессилия эсеровских лидеров. Главной задачей съезда, согласно акту Уфимского совещания, была организация приезда членов Учредительного собрания в назначенном кворуме, подготовка к его открытию и работе, включавшей и разработку законопроектов. Съезд не подчинялся директории, самостоятельно действуя в сфере своей компетенции, а директория, со своей стороны, не подчинялась съезду.

На первых порах съезд ограничился организационными вопросами. Был выработан подробный порядок его работы, отпечатанный в виде обширного наказа (3 главы, 101 пункт)²⁸; избраны председатель, бюро и комиссия личного состава съезда; разработаны сметные предположения, включавшие материальные расходы по содержанию приезжавших членов Учредительного собрания (большинство из них проживало в Самаре и Уфе)²⁹. Съезд выразил доверие директории, но ее переезд в Омск, вручение министерских портфелей сибирским правителям и указ о ликвидации областных правительств учредильцы восприняли отрицательно. В конфиденциальной записке нескольких членов Учредительного собрания, обращенной к съезду, указывалось на ослабление позиций «демократии» и усиление буржуазно-помещичьей реакции во всех районах, захваченных противниками Советской власти; вместе с тем отмечалась необходимость иметь постоянный контакт с правительством, поддерживая его в осуществлении программы Уфимского совещания, широко использовать членов Учредительного собрания «для пропаганды идей демократической республики»³⁰.

Но директория отнюдь не стремилась к осуществлению этой программы и к контактам со съездом. Она сознательно капитулировала перед военно-монархической реакцией, сознательно избрала путь капиталистической реставрации. Все контрреволюционные акты Сибирского правительства были оставлены в силе. Сохранялась частная собственность на землю, продолжалась политика денационализации предприятий, полностью были восстановлены частная оптовая и розничная торговля, упразднены фабрично-заводские комитеты и другие рабочие организации, запрещены под угрозой репрессий стачки, отменен 8-часовой рабочий день, одна за другой закрывались эсеровские и меньшевистские газеты. Окончательно была распущена Сибирская областная дума. По распоряжению правительства вся военная власть перешла от местных правительств к директории и верховному главнокомандующему — генералу Болдыреву. Свирепствовал белогвардейский террор. В армии были восстановлены порядки, существовавшие при царизме.

В такой обстановке вскоре после приезда в Екатеринбург лидера эсеров В. М. Чернова Съезд членов Учредительного собрания сделал жалкую попытку оказать сопротивление дальнейшему наступлению военно-монархических кругов, но дальше бумажной декларации дело не пошло. Из-под пера Чернова вышла пространная резолюция ЦК партии эсеров (в Сибири ее называли «прокламацией»), принятая Съездом членов Учредительного собрания в качестве руководящего документа. Резолюция указывала на опасность, которая угрожает «демократии». В ней излагались причины неудачи эсеров и меньшевиков на Уфимском совещании и «промахи» директории, обнаружившие ее слабость. Основное же содержание резолюции сводилось к обоснованию тактики партии эсеров и Съезда членов Учредительного собрания в создавшейся

²⁷ Н. В. Святицкий. К истории Всероссийского учредительного собрания. Съезд членов Учредительного собрания. М. 1921.

²⁸ ГА БССР, ф. 987, оп. 1, д. 11, л. 53.

²⁹ Там же, лл. 34, 35, 37.

³⁰ Там же, д. 11, л. 1.

обстановке. В качестве главной задачи выдвигалось собирание всех «демократических» сил, в частности эсеров, вокруг Учредительного собрания и его «преддверия» — Съезда членов Учредительного собрания. Съезду предлагалось немедленно приступить к разработке и публикации законопроектов Учредительного собрания и подготовке плана организации центральной власти, а свою деятельность направить на укрепление «демократических» сил для защиты Учредительного собрания. Партию эсеров резолюция обязывала сплотиться, избавиться от колебаний и склонности к капитуляции, мобилизовать и обучить свои силы военному делу и подготовиться к отпору противникам «демократии».

Эту резолюцию, подписанную восьмью членами ЦК партии социалистов-революционеров, эсеры называли «знаменитой» и «исторической». На деле же она была «каучуковой» резолюцией, призывавшей к сотрудничеству с контрреволюционным правительством, вставшим на путь утверждения единовластия буржуазии и помещиков. Резолюция в демагогических целях была проникнута идеями утопической эсеро-меньшевистской теории «третьего пути»³¹, в ней звучали призывы к борьбе на два фронта — против Советской власти и против сил буржуазно-помещичьей реакции. Однако эта надуманная теория эсеров расходилась с их практической деятельностью: «борьба» против буржуазии и помещиков не выходила за рамки широковещательных резолюций и демагогических призывов.

Несмотря на, казалось бы, единодушное принятие этой резолюции, Съезд членов Учредительного собрания не обнаружил единства. Правая группа ополчилась на ЦК партии эсеров, высказалась за безоговорочную поддержку директории и полную политическую пассивность съезда, которому предлагалось ограничить свою деятельность обеспечением кворума. За правыми шел колеблющийся центр. На левом фланге было 30—40 сторонников ЦК партии эсеров во главе с Черновым, которые пытались организовать вокруг съезда более активные силы «демократии» для борьбы за Учредительное собрание. Вскоре на съезде обнаружился полный раскол, правые фактически образовали самостоятельную фракцию.

В самой директории также возникли две группировки. Одну составили глава сибирской реакции близкий к кадетам монархист Вологодский и поддерживавшие его генералы Болдырев и Виноградов; другую — правые эсеры Авксентьев и Зензинов, потерявшие всякую самостоятельность и способность к сопротивлению. Болдырев потребовал немедленного удаления эсеров с некоторых ответственных должностей, в частности из управления печатью, и даже возбудил вопрос об аресте эсеровского ЦК во главе с председателем Съезда членов Учредительного собрания Черновым. Совет министров предложил упразднить Съезд членов Учредительного собрания. Была запрещена агитация за образование добровольческих отрядов имени Учредительного собрания и русско-чешских полков, сформированных в обстановке развала «народной армии» Комуча. Добровольческая группа войск ижевских заводов приказом сибирского («Всероссийского») правительства была распущена, а назначенный Комучем командующий смещен. Однако Совет управляющих ведомствами распорядился задержать исполнение этого приказа, опасаясь, что в противном случае «завтра же все рабочие с оружием в руках перейдут к большевикам»³². Сторонник Учредительного собрания командующий уфимским фронтом генерал С. Чечек был отозван

³¹ Окончательно эта теория была сформулирована позднее — на IX совете партии эсеров (1919 г.), но все элементы ее имели место и в 1918 г. в теории и практике эсеровских «правительств» и ЦК партии эсеров.

³² П. Д. Климушкин. Гражданская война на Волге. Ч. 2. Ликвидация демократии. Прага, 1925, стр. 78—79 (коллекция ЦГАОР СССР).

из Уфы, и на его место назначен русский белогвардеец, находившийся на службе в Чехословацком корпусе, генерал С. Войцеховский, один из организаторов чехословацкого мятежа.

Новое правительство, признав де-юре власть Совета управляющих ведомствами, фактически ее игнорировало. Из Омска в Уфу шли грозные телеграммы, отнимавшие у Совета то одну, то другую функцию. Особенно чувствительным был удар по «карману» учредилковцев — распоряжение министра финансов всякие выплаты производить только по кредитам омского правительства. За этим последовало опечатание военными властями уфимского отделения государственного банка³³. Совет управляющих ведомствами еще пытался сопротивляться. Опираясь на постановление директории, временно предоставлявшее областным исполнительным органам правительства всю полноту гражданской власти на их территории, он отдал приказ всем подвластным ему лицам и учреждениям «исполнять только распоряжения, исходящие от Совета управляющих ведомствами»³⁴. Чтобы укрепить свои позиции, совет проектировал созыв в Уфе совещания представителей бывших областных правительств, с которыми управляющий ведомством иностранных дел М. А. Веденяпин вступил в контакт. Военным властям стало об этом известно, и директория запретила созыв совещания³⁵.

Вопреки навешанному эсеровскими и монархическими мемуаристами мнению, директория вполне осознанно действовала как власть, осуществлявшая буржуазную диктатуру. Ее кратковременную историю заполняют отчаянные попытки остатков Комуча противостоять натиску военно-монархических кругов. Эти усилия были заранее обречены на провал, потому что эсеры из Комуча так же не отражали интересов трудящихся, как и члены директории (эсеры и неэсеры), и войну они вели не на два фронта, а только против Советской республики.

Политику директории, ее классовую направленность в значительной степени характеризуют ее отношения с бывшими союзниками России. Глава вооруженных сил директории генерал Болдырев, члены директории Авксентьев и Зензинов и другие эсеры неоднократно объявляли себя врагами интервенции. Вскоре после появления резолюции («прокламации») ЦК партии эсеров к Авксентьеву явился с протестом английский генерал А. У. Нокс. Он заявил, что новое правительство при таких обстоятельствах «не сможет рассчитывать на помощь союзников»³⁶. Признание союзников и их военная помощь были крайне необходимы директории. Едва возникнув, она немедленно обратилась за помощью к иностранным державам³⁷. В самой подобоострастной и униженной форме взывала она о помощи к США: «К президенту великой Северо-Американской республики, признанному бескорыстному апостолу мира и братства среди народов, обращаю свой первый призыв...»³⁸. Правительства Англии и Франции, не отказываясь формально от поддержки директории, не спешили, однако, помогать ей, выжидая, кто возьмет верх в лагере российской контрреволюции: буржуазная «демократия» или сибирские монархисты — сторонники военной диктатуры. Представитель французского министерства иностранных дел С. Пишон писал директории: «Согласие не считает себя вправе избирать между различными политическими группировками, которые борются, поддерживать одну из них против другой. События во Владивостоке и в Архангельске оставили глубокое разочарование, и Согласие стало скептически относиться к вопросу об устойчивости всякого правительства.

³³ ГА БАССР, ф. 987, оп. 1, д. 8, лл. 26, 28—29.

³⁴ Там же, лл. 57—58.

³⁵ Там же, л. 88.

³⁶ «Процесс партии с-р. Речи государственных обвинителей Луначарского, Покровского, Крыленко и др.». М. 1922.

³⁷ «Голос рабочего» (Уфа), 12. XI. 1918.

³⁸ Там же.

...Ключ вашего положения за границей лежит больше в вашей реальной силе, чем в вашем легальном титуле»³⁹. Иначе говоря, директории дали понять, что она может рассчитывать на помощь только в том случае, если станет правительством, обладающим реальной силой и властью.

Когда в октябре 1918 г. в Уфу прибыли английский, французский и американский отряды, учредилорцы приписали этот факт влиянию директории и восприняли его как доказательство реальной помощи союзников «демократии». Между тем эта помощь была направлена совсем по другому адресу — к тому времени союзники уже твердо ориентировались на военную диктатуру.

Имя правителя и верховного главнокомандующего было определено не сразу. Кандидатура адмирала Колчака подвергалась сомнению, поскольку у него полностью отсутствовал опыт командования сухопутными войсками. Более подходящим человеком для организации монархического переворота считался генерал Болдырев. Будучи одним из руководителей «Союза возрождения России», представлявшего антисоветский блок буржуазных и мелкобуржуазных партий и групп от монархистов до эсеров, он устраивал всех противников Советской власти. «Кабинет министров» во главе с Вологодским обратился к Болдыреву, предложив ему взять власть. Согласившись в принципе с необходимостью замены директории единоличной властью, Болдырев отказался, однако, от этого предложения, сославшись на «несвоевременность переворота»⁴⁰. Но промедление не входило в планы Вологодского и Михайлова, и жаждавшие военной диктатуры сибирские монархисты остановились на кандидатуре Колчака.

В годы первой мировой войны Колчак командовал минной флотилией в Балтийском море; в 1916 г. был назначен командующим Черноморским флотом. Враждебным отношением к революционно настроенным матросам он вызвал 19 июня 1917 г. большие волнения во флоте и под давлением матросов был отозван Временным правительством. В июле 1917 г. Колчак во главе военно-морской миссии был направлен в США для консультаций по минному делу и предполагаемому десанту союзников против турок на берегах Босфора. По пути в США Колчак задержался в Лондоне, где установил связи с английским военно-морским командованием. Политическая ориентация Колчака уже тогда, летом 1917 г., была предельно ясна. Генерал Корнилов намечал его в состав своего правительства⁴¹.

Известие об Октябрьской революции Колчак, находившийся в то время в США, встретил крайне враждебно, а после начавшихся в Бресте советско-германских переговоров о мире обратился к английским властям с предложением принять его на службу в действующую английскую армию (с этого времени он мог рассчитывать на активную поддержку британского правительства во всех своих контрреволюционных планах). Предложение Колчака было принято. Он был направлен на Месопотамский фронт войны с Турцией, но с дороги отозван новыми хозяевами: по заданию английских военно-империалистических кругов и русских контрреволюционеров, в частности бывшего царского посланника в Лондоне князя Кудашева, Колчак уехал в Шанхай, а затем в Пекин и Харбин для организации дальневосточного антисоветского фронта. Там уже орудовали к этому времени атаман Г. М. Семенов и генерал Р. Л. Хорват — управляющий Китайско-Восточной железной дорогой. Оба претендовали на главенство в белогвардейском движении на Дальнем Востоке. Семенов опирался на активную поддержку китайских властей; в его войнстве, состоявшем из черносотенных офицеров, казаков и ссыльных уголовных элементов, было много хунхузов; он

³⁹ «Уфимская жизнь». 12. XI. 1918.

⁴⁰ К. В. Сахаров. Белая Сибирь. Мюнхен. 1923, стр. 21.

⁴¹ Л. М. Спирин. Разгром армии Колчака. М. 1957, стр. 6.

пользовался также поддержкой Англии и Японии. Хорват ориентировался на Японию. В его распоряжении было несколько самостоятельно действовавших белогвардейских отрядов. Сюда же прибыл и третий претендент на власть — глава «Временного правительства автономной Сибири» эсер П. Я. Дербер. Наконец, в Пекине образовалось «правительство», в которое входили крупный финансист и промышленник А. И. Путилов, известный уральский делец князь В. Е. Львов, брат бывшего председателя Временного правительства, и Колчак. Колчак, как и Хорват, был приглашен Дербером в состав планируемого им «коалиционного правительства», но войти в него отказался, не желая сотрудничать с эсерами в этом «опереточном», как он его называл, правительстве. К правительству Вологодского он отнесся более «благожелательно», видя в нем реальную власть. Не договорившись с Семеновым, Хорватом и Дербером, Колчак в середине октября 1918 г. с английским отрядом генерала Нокса появился в Омске, где вошел в правительство Вологодского в качестве военного министра.

Это назначение с восторгом приветствовала кадетская буржуазия. До Февральской революции Колчак был военным служакой, преданным царю, пользовался его доверием и до конца своих дней оставался убежденным монархистом. После свержения самодержавия Колчак прилагал все усилия, чтобы удержать матросов в подчинении старому офицерству и прежней дисциплине. Он считал, что в военное время вся власть должна быть сосредоточена у одного лица, которое опирается на армию и осуществляет военную диктатуру. К буржуазной демократии, парламентаризму Колчак относился с нескрываемым презрением, что не мешало ему, однако, в целях демагогии причислять себя к сторонникам Учредительного собрания.

Со второй половины октября 1918 г. подготовка монархического переворота в Сибири вступила в решающую фазу. В Омске был образован так называемый национальный блок в составе промышленников и кадетов, главной целью которого было установление единоличной военной диктатуры. Уральский областной торгово-промышленный съезд, проходивший 20—24 октября 1918 г., принял то же решение. Военщина действовала в Омске все активнее. Участились случаи убийств и арестов эсеров, Сибирская печать усилила нападки на эсеровское крыло директории, обвиняя его в причастности к «уфимской прокламации», попытках разложения Сибирской армии.

Съезд членов Учредительного собрания в Екатеринбурге влачил жалкое существование. Его переговоры с Советом управляющих ведомствами подвергались грубой цензуре (разговоры прерывались, телеграфные ленты отбирались). «Решительные» протесты Совета управляющих ведомствами никакого действия не оказывали. 13 ноября 1918 г. директория телеграфировала, чтобы весь состав Совета управляющих ведомствами выехал в Челябинск для сдачи дел, документов и имущества особой комиссии правительства. Члены совета поняли, что это ловушка и что в Челябинске они будут немедленно арестованы, отказались от поездки и предложили «для личных сношений направлять всех лиц в Уфу»⁴², но ничто уже не могло спасти остатки Комуца, не имевшего поддержки трудящихся масс.

В Омске, в здании военно-промышленного комитета, 17 ноября 1918 г. состоялось совещание местных кадетов, представителей омского «Союза возрождения» и иностранных генералов, на котором в принципе и был решен вопрос об установлении военной диктатуры. Называлось имя Колчака, кандидатуру которого решительно поддерживали англичане⁴³. Болдырев в это время был в Уфе.

⁴² «Народное дело» (Уфа), 13. XI. 1918.

⁴³ Н. А. Корнатовский. Основные этапы развития восточной контрреволюции. «Колчаковщина. Из белых мемуаров». Л. 1930, стр. 9.

В ночь на 18 ноября 1918 г. начальник омского гарнизона полковник Волков и офицер Катанаев с казаками по личному приказу войскового старшины атамана Красильникова ворвались в квартиру товарища министра внутренних дел, начальника местной милиции эсера Е. Ф. Роговского и в здание ведомства государственной охраны, где в то время находилось несколько эсеров, в том числе Авксентьев и Зензинов, член ЦК партии эсеров Д. Ф. Раков и другие. Все они были арестованы и доставлены в штаб Красильникова. Там уже находились другие задержанные, в том числе и А. А. Аргунов. Всех, кроме Н. Д. Авксентьева, В. М. Зензинова, А. А. Аргунова, Е. Ф. Роговского, Д. Ф. Ракова, еще до наступления утра освободили.

На рассвете состоялось экстренное заседание совета министров. Вологодский информировал собравшихся о происшедших событиях, выразил «негодование» самочинным поступком полковника Волкова, предложил «признать распадение разнородной и неработоспособной директории и взять полноту власти в свои руки»⁴⁴. Обсуждение вопроса о форме власти закончилось принятием решения о единоличной диктатуре. В качестве кандидата в диктаторы назывались генералы Болдырев и Хорват, по разным основаниям не получившие поддержки. К утру закрытой баллотировкой диктатором с присвоением титула «верховного правителя» единогласно был избран Колчак. Авксентьеву, Зензинову, Аргунову и Роговскому было предложено освобождение при условии, что они дадут обещание не вести никакой политической и пропагандистской деятельности на территории Сибири. Однако, опасаясь расправы, они не захотели воспользоваться этим предложением и спустя несколько дней согласились выехать за границу (США отказались предоставить им право на жительство, и они отправились в Западную Европу); при этом Зензинов не постеснялся испросить у Колчака на дорогу 50 тыс. рублей.

Известие о совершившейся смене власти пришло в Уфу в тот же день, 18 ноября. Совет управляющих ведомствами давал парадный ужин в честь прибывшего с фронта Болдырева. Колчак вызвал его по прямому проводу и сообщил о происшедшем. Заканчивая свою книгу воспоминаний рассказом о переходе власти к Колчаку, Болдырев совсем не упоминает об этом неприятном для него разговоре. На вопрос Болдырева, принял ли адмирал во внимание, что арест директории может означать «новую гражданскую войну на два фронта», Колчак резко ответил: «Генерал, я не мальчик, в ваших поучениях я не нуждаюсь. Я взвесил все и знаю, что делаю. Благоволите немедленно же выехать из Уфы. Это мой категорический приказ»⁴⁵.

Лихорадочные попытки Совета управляющих ведомствами бывшего Комуча (в Уфе) и бюро Съезда членов Учредительного собрания (в Екатеринбурге) помешать приходу Колчака к власти оказались тщетными. 19 ноября гостиница «Палерояль» в Екатеринбурге, где разместились члены Учредительного собрания, была окружена солдатами 25-го уральского полка. Всех учредителей, в том числе В. К. Вольского, арестовали. По приказу главнокомандующего фронтом арестованных препроводили под конвоем чехословаков в Челябинск, а оттуда в Уфу. В декабре начались повальные аресты противников Колчака. Большинство членов Учредительного собрания было арестовано, оставшиеся на свободе ушли в подполье, некоторые, в том числе Чернов, успели скрыться и затем эмигрировали. Большинство правых эсеров на юге страны (например, екатеринославская организация) перешли на сторону Деникина и Колчака и активно сотрудничали с белогвардейцами.

⁴⁴ Н. Святицкий. Реакция и народовластие (Очерк событий на Востоке России). М. 1920, стр. 81.

⁴⁵ П. Д. Климушкин. Указ. соч., ч. 2, стр. 109.

монархистами. Часть эсеров центра (Вольский, К. С. Буревой, Святицкий и другие) главным образом под воздействием успехов Красной Армии и упрочения диктатуры пролетариата отказались от вооруженной борьбы против Советской власти и начали в Уфе переговоры с ее представителями о совместной борьбе против Колчака.

Директория по своему составу отражала соотношение сил, сложившееся в лагере контрреволюции к концу уфимского совещания. Она представляла собой временный и неустойчивый компромисс, с большим трудом достигнутый между буржуазией и мелкой буржуазией (в лице соглашательских партий). Это было типичное буржуазное правительство, и два правых эсера, входившие в его состав, ничего не меняли в его социальной сущности и политике. По собственному волеизъявлению, отнюдь не уступая давлению со стороны, директория обосновалась в Омске и сотрудничала с буржуазным Временным Сибирским правительством.

Оценка Временного Сибирского правительства как правительства буржуазной реакции, подчинившего своей власти бессильную, не имевшую социальной опоры директорию, данная в работах М. Е. Плотниковой, научно оправдана и убедительна. Это было правительство, осуществлявшее неприкрытую буржуазную диктатуру. Но нельзя, как нам кажется, относить завершение периода «демократической» контрреволюции в Сибири к концу июня 1918 г., к моменту утверждения власти Временного Сибирского правительства. До 18 ноября военно-монархической диктатуры в Сибири еще не было. В составе директории, правительственных учреждений да и самого сибирского правительства еще оставались представители мелкобуржуазных партий. На территории, подчиненной директории и сибирскому правительству, действовал «осколок» Комуча — Совет управляющих ведомствами, полномочия которого распространялись на значительную часть Южного Урала. Существовал и эсеровский по составу Съезд членов Учредительного собрания, не подчинившийся сибирскому правительству и директории. По этим соображениям не следует выделять Сибирь из общей хронологии гражданской войны.

Бесславный конец директории и Съезда членов Учредительного собрания — наглядное доказательство непреложности исторической истины, заключающейся в том, что, как только буржуазия, прикрывающая до поры до времени свои истинные цели фальшивыми лозунгами «демократии» и «народоправия», укрепляет позиции, она немедленно убирает с дороги своих временных пособников. «Чтобы доказать, что большевики несостоятельны,— говорил В. И. Ленин,— эсеры и меньшевики начали строить новую власть и торжественно провалились с ней прямо к власти Колчака»⁴⁶. Классовая борьба не признает среднего пути. На это неоднократно указывал В. И. Ленин. «Что же вышло из этой власти? — писал он по поводу эсеровско-меньшевистской контрреволюции.— Вышла вместо Учредительного собрания колчаковская диктатура,— самая бешеная, хуже всякой царской»⁴⁷. Судьба оторванной от народных масс, политически изолированной директории показывает полную безнадежность всех попыток соглашательских партий найти «третий путь», некую среднюю линию между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии.

Упрочение Советской власти, успешное выступление революционных сил (Красной Армии на фронте, рабочих и крестьян в тылу белогвардейщины) привели к распаду лагеря контрреволюции. Падение директории является свидетельством определенной исторической закономерности, состоящей в том, что в обстановке крайнего обострения борьбы антагонистических классов (революция и гражданская война)

⁴⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 39, стр. 128.

⁴⁷ Там же, стр. 127.

правительства буржуазной демократии оказываются неспособными удержаться у власти и гибнут либо под ударами военно-монархической (позднее — фашистской) диктатуры либо с противоположного фронта — под ударами революционного пролетариата и его армии. В первом случае это была директория, во втором — Комуч, разгромленный войсками Красной Армии в начале октября 1918 года. Последующие события мировой истории многократно подтвердили эту историческую истину. Буржуазия видела неспособность мелкобуржуазных партий удерживать ее власть и ее диктатуру при помощи демократической фразы и буржуазно-демократических институтов. Чем сильнее становились удары рабочих и крестьян, чем меньше оставалось у буржуазии возможности удержать власть, тем больше надежд возлагала она на военно-монархическую диктатуру. Тенденция к отказу от демократических свобод отличает развитие политической системы капитализма в условиях углубления его общего кризиса.

Эсеры и меньшевики, называя себя «социалистами» и «демократами», на деле оказались пособниками белых, пособниками помещиков и капиталистов. Эсеро-меньшевистская «демократия» открыла путь к установлению военно-монархической диктатуры Колчака. Колчаковщине, подчеркивал В. И. Ленин, «помогли родиться на свет и ее прямо поддерживали меньшевики («социал-демократы») и эсеры («социалисты-революционеры»). Пора научиться оценивать политические партии по делам их, а не по их словам»⁴⁸. Но контрреволюция просчиталась, пытаясь таким образом удержаться у власти. Ненавистная народу диктатура вызвала мощное движение протеста всех трудящихся Сибири. Власть Колчака шаталась и трещала под ударами партизанских отрядов, удерживаясь с помощью кровавых репрессий. Колчак был окончательно разгромлен с приходом в Сибирь в 1919—1920 гг. Красной Армии.

⁴⁸ Там же, стр. 156.